

3. Антонова, Е. Вина юридических лиц в уголовном законодательстве стран англосаксонской системы права / Е. Антонова // Закон и право. – 2009. – № 8. – С. 102–104.
4. Романов, И. Б. Административная ответственность за невыполнение требований норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Б. Романов. – М., 2004. – 24 с.
5. Косицина, Л. А. Административная ответственность юридических лиц за нарушения таможенных правил: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Косицина. – Омск, 2006. – 27 с.
6. Комоско, А. А. Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Комоско. – М., 2007. – 205 с.
7. Калинина, Л. А. Роль административной науки в совершенствовании законодательства об административных правонарушениях / Л. А. Калинина // Административная ответственность: вопросы теории и практики. – М.: ИПГ РАН, 2005. – С. 48–54.
8. Мустафина, С. А. Вина юридического лица в производстве по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела / С. А. Мустафина // Административное право и процесс. – 2007. – № 3. – С. 13–15.
9. Антонова, Е. Ю. Корпоративная культура в контексте предупреждения корпоративной преступности / Е. Ю. Антонова // Криминологич. журн. Байкальск. гос. ун-та экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 50–58.
10. Антонова, Е. Ю. Проблема вины коллективного субъекта преступления / Е. Ю. Антонова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 5 (77). – С. 124–128.
11. Козлова, Н. В. Правосубъектность юридического лица / Н. В. Козлова. – М.: Статут, 2005. – 476 с.

УДК 343.24

ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ НА БОЛЕЕ СТРОГОЕ ПРИ ЗЛОСТНОМ УКЛОНЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ

Барков Александр Владимирович

*кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь, профессор кафедры судебной деятельности
учреждения образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений
юстиции Белорусского государственного университета», ул. Советская, 14,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, ukrb@tut.by*

Аннотация. Анализируются проблемы применения совокупности норм уголовного права, которые регламентируют замену исполняемого наказания на более строгое наказание при злостном уклонении осужденного от отбывания наказания, предусмотренного приговором.

Ключевые слова: декриминализация, замена наказания, злостное уклонение, наказание, приговор, принцип справедливости, индивидуализация ответственности.

PROBLEMS OF REPLACING THE PUNISHMENT WITH A MORE SEVERE ONE IN CASE OF MALICIOUS EVASION OF THE CONVICT FROM SERVING IT

Alexander Barkov

*PhD in Law, Professor, Professor at the Department of Judicial Work,
Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors
and Legal Professionals at the Belarusian State University, 14 Sovetskaya Str.,
220030, Minsk, Republic of Belarus, ukrb@tut.by*

Abstract. The problems of applying a set of norms of criminal law that regulate the replacement of the executed punishment with a more severe punishment in case of malicious evasion of the convicted person from serving the sentence provided for by the sentence are analyzed.

Key words: decriminalization substitution of punishment, malicious evasion, punishment, sentence, principle of justice, individualization of responsibility.

Практические проблемы замены исполняемого наказания более строгим возникли после вступления в силу 9 сентября 2021 г. положений Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 [1], которыми осуществлена декриминализация уклонения от отбывания общественных работ (ст. 419 УК), штрафа (ст. 418 УК), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417 УК), исправительных работ (ст. 416 УК), ограничения свободы (ст. 415 УК). Закон предусмотрел вместо уголовной ответственности за злостное уклонение от отбывания перечисленных наказаний механизм замены исполняемого наказания на более тяжкое (часть шестая ст. 49; часть четвертая ст. 50; части пятая и шестая ст. 51; часть седьмая ст. 52; часть восьмая ст. 55 УК).

Попытка определить правовую природу и вероятность появления нового уголовно-правового института была осуществлена нами в статье «Замена исполняемого наказания более тяжким: проблема юридической природы» [2, с. 123–134]. Мы констатировали, «что существующие основания, условия и порядок замены наказания, назначенного приговором, на более строгое не позволяют отнести данный механизм к прогрессивной системе исполнения уголовных наказаний. Во-первых, потому, что прогрессивная система предполагает изменение условий отбывания (исполнения) наказания в пределах вида наказания, назначенного приговором. Во-вторых, эта система предполагает тщательную индивидуализацию оценки поведения осужденного, что ис-

ключается при механической замене наказания на более строгое, когда ограничено усмотрение суда в части определения вида и размера нового наказания» [2, с. 134].

За время действия новых норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с сентября 2021 г. по конец 2022 г. обнаружились проблемы, показавшие необходимость пересмотра законодательного решения либо значительной корректировки правовых предписаний.

Прежде всего, заявила о себе проблема индивидуализации более строгого наказания, заменяющего наказание, назначенное приговором.

Очевидно, что суд руководствуется принципами уголовной ответственности и, в частности, принципом справедливости (часть шестая ст. 3 УК): «Наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т. е. устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного...». При избрании вида и размера наказания суд руководствуется принципом индивидуализации ответственности, закрепленным в ст. 62 УК. Закон гласит: «При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, т. е. учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре».

При замене наказания на более строгое суд не вправе отступать от названных принципов, но должен учитывать несколько иные обстоятельства. По нашему мнению, это: степень уклонения осужденного от назначенного приговором наказания, мотивы и цели содеянного, личность виновного, наличие смягчающих или усугубляющих ответственность обстоятельств. К сожалению, о необходимости такого учета закон умалчивает.

Индивидуализация наказания предполагает определенный диапазон судебного усмотрения. Эта возможность для суда ограничена предписаниями части шестой ст. 49; части четвертой ст. 50; части шестой ст. 51; части седьмой ст. 52 УК; части восьмой ст. 55 УК.

Так, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ, штрафа, исправительных работ суд может:

- заменить общественные работы *арестом* из расчета один день ареста за двадцать четыре часа общественных работ *или ограничением*

свободы из расчета один день ограничения свободы за двенадцать часов общественных работ (часть шестая ст. 49 УК);

- заменить штраф *арестом* из расчета один день ареста за десять базовых величин штрафа исходя из размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, но на срок не свыше трех месяцев *либо ограничением свободы* из расчета один месяц ограничения свободы за пять базовых величин штрафа исходя из размера базовой величины, установленного на день постановления приговора, но на срок не свыше пяти лет (часть четвертая ст. 50 УК);

- заменить исправительные работы *арестом* из расчета один день ареста за три дня исправительных работ, но на срок не свыше трех месяцев (лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, – на срок не свыше двух месяцев) *или ограничением свободы* из расчета один день ограничения свободы за полтора дня исправительных работ (часть седьмая ст. 52 УК).

У суда остается лишь право выбора вида наказания (одного из двух). Размер наказания предreshен законодателем.

Однако в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или ограничения свободы суд может:

- заменить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью *только* ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за один день лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но на срок не свыше пяти лет (часть шестая ст. 51 УК);

- заменить ограничение свободы *только* лишением свободы из расчета один день лишения свободы за два дня ограничения свободы (часть восьмая ст. 55 УК).

В двух названных ситуациях диапазон усмотрения суда ограничен двумя вариантами: осуществить замену или отказать в замене. Но поскольку при констатации наличия формальных признаков злостного уклонения (ст. 36, 55 УИК) выбор предreshен, постольку для индивидуализации ответственности места не остается.

Таким образом, в существующей редакции норм УК полноценная реализация принципа индивидуализации ответственности и, следовательно, принципа справедливости ставится под сомнение. При такой ситуации высказываемое некоторыми практическими работникам предложение вообще установить императивность замены наказания более строгим, исключив в нормах УК слова «суд... *может* заменить»,

превращает новое наказание исключительно в кару, а не в средство исправительного воздействия.

Чрезмерная регламентация замены наказания посредством установления соотношения размера заменяемого наказания и вида и размера нового наказания создала в некоторых случаях предпосылки для фактического смягчения ответственности.

Так, при злостном уклонении от отбывания общественных работ в 120 часов (по общему правилу примерно 30 рабочих дней), возможна замена пятью днями ареста или десятью днями ограничения свободы. Очевидно, что такая замена для определенного контингента осужденных может быть даже выгодной. О достижении целей уголовной ответственности не может быть и речи. Государство же понесет реальные затраты на реализацию сомнительного наказания.

Возможны и другие примеры нелогичности действующих предписаний. Так, вместо уплаты штрафа в 300 базовых величин осужденный предпочтет «экономии средств», отбывая 1 месяц ареста, вместо 2 лет исправительных работ – отбывая 3 месяца ареста. Осужденный к лишению права заниматься определенной деятельностью (например, права управления транспортным средством) может, уклоняясь от наказания, создать предпосылки для восстановления этого права.

Таким образом, введенный уголовно-правовой механизм предупреждения и противодействия уклонению от отбывания наказания явно менее эффективен, чем ранее существовавший порядок.

Особо решается в новеллах вопрос о замене более строгим наказанием штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенных в качестве дополнительного наказания. В части четвертой ст. 50 и части шестой ст. 51 УК сказано, что суд должен рассматривать этот вопрос после отбытия осужденным основного наказания.

Предположим, что осужденный к 3 годам ограничения свободы и к 5 годам лишения права заниматься определенной деятельностью в период исполнения основного наказания злостно уклонялся от отбывания дополнительного наказания. После отбытия 3 лет ограничения свободы суд должен будет определить осужденному еще 5 лет ограничения свободы. Дополнительное наказание превратится в еще одно основное, суммарный размер которых в итоге может выходить за пределы, установленные законом.

Не исключена ситуация, когда осужденный злостно уклоняется и от нового наказания. Уклонение от ареста будет расцениваться как преступление по ст. 413 УК (побег из арестного дома) или ст. 414 УК (уклонение от отбывания наказания в виде ареста). Злостное уклоне-

ние от ограничения свободы (более строгого наказания) преступлением не является. Это очевидная странность. Но возникает и другой вопрос, возможна ли последующая замена ограничения свободы лишением свободы на основании части восьмой ст. 55 УК. В норме сказано: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы суд по представлению органа, на который возложено *исполнение приговора*, может заменить ограничение свободы лишением свободы...». Строгое толкование данного предписания препятствует замене ограничения свободы, определенного *постановлением суда*, более строгим наказанием – лишением свободы. Конечно, посредством официального расширительного толкования эта проблема может быть решена. Но это не частная проблема.

Действующие УК, УИК и УПК Беларуси изначально пронизаны идеей, вытекающей из Конституции Республики Беларусь, о том, что «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда». В соответствии с частью первой ст. 44 «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь *по приговору суда* лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом».

Наконец, ст. 47 УК определяет: «Наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, *применяемой по приговору суда* к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного».

На основании изменений, внесенных Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З, помимо наказаний, назначенных приговором суда, появляются наказания, определенные в постановлениях суда при замене на более строгое. Такой поворот оказался неожиданным для многих институтов уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, исходивших из постулата, что осуждение и соответственно наказание могут быть определены только обвинительным приговором. Например, в части первой ст. 91 УК сказано: «Лицам, *осужденным* к исправительным работам, ограничению по военной службе, ограничению свободы или лишению свободы, неотбытая часть наказания может быть заменена более мягким наказанием». Исходя из буквального толкования закона, возникает вопрос: относится ли теперь это правило к наказаниям, которые не были назначены приговором, а были постановлением суда определены

в порядке замены на более строгое в связи со злостным уклонением от отбывания. Возникают аналогичные вопросы и в процессе исполнения лишения свободы, назначенного постановлением суда. В зависимости от поведения и отношения к труду осужденных к лишению свободы им могут быть изменены вид исправительного учреждения и условия режима (ст. 69 УИК). Названная норма закона называет именно лиц, «осужденных к лишению свободы», тем самым ставя под сомнение возможность применения предусмотренных ст. 69 УИК изменений как для осужденных, ставших на путь исправления, так и для осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания.

Остается нерешенным вопрос о возможности замены лишением свободы ограничения свободы, назначенного приговором суда лицу, впервые совершившему в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности. Поскольку часть первая ст. 115 УК вообще запрещает назначение лишения свободы за такое преступление, постольку неприемлемо применять лишение свободы за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, которое вообще преступлением не является.

По нашему мнению, декриминализация уклонения от отбывания общественных работ (ст. 419 УК), штрафа (ст. 418 УК), лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417 УК), исправительных работ (ст. 416 УК), ограничения свободы (ст. 415 УК) и переход к механизму замены исполняемого наказания на более строгое явился существенным отступлением от заложенной изначально концепции УК 1999 г. и УИК 2000 г. Именно этим объясняется ряд значительных проблем, возникших в судебной практике и практике исполнения наказаний из-за несогласованности прежних и новых правовых предписаний.

Представляется, что задача повышения эффективности противодействия уклонению от отбывания (исполнения) наказаний пока не решена. Безусловно, внесение частных корректировок в законодательство поможет снять некоторые проблемы правоприменения. Но остается ряд неразрешенных вопросов.

Напомним разделяемую нами позицию российского ученого И. Э. Звечаровского, который отмечает, что в случаях замены ранее назначенного судом и уже исполняемого наказания более строгим наказанием складывается ситуация, при которой:

- 1) за однажды совершенное преступление применяется новое наказание, причем более суровое, чем то, которое суд уже назначил за преступление;

2) новое наказание применяется за деяние, формально не являющееся преступлением (злостное уклонение от отбывания наказания);

3) более строгий вид наказания в этом случае порой применяется даже при том, что он отсутствует в санкции статьи Особенной части, по которой ранее состоялось осуждение.

Рассматриваемая законодательная практика противоречит общим началам назначения наказания и ряду положений уголовно-процессуального законодательства [3, с. 46].

Мы приходим к пессимистическому выводу. Устранение вышеназванных противоречий несовместимо с идеей замены установленного вступившим в силу приговором суда наказания более строгим наказанием на основе деяния (злостного уклонения от отбывания наказания), правовая сущность которого не определена. Попытки адаптировать уголовное законодательство к механизму замены исполняемого наказания на более строгое при злостном уклонении от его отбывания чреваты еще большим отступлением от концепции Уголовного кодекса, одобренной на законодательном уровне в 1999 г.

Список цитированных источников

1. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-3 / Национ. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&rp0=H12100085&rp1=1&rp5=0>. – Дата доступа: 14.03.2023.

2. Барков, А. В. Замена исполняемого наказания более тяжким: проблема юридической природы / А. В. Барков // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2021. – 458 с.

3. Звечаровский, И. Э. Современное уголовное право России = Modern criminal law of Russia: Понятие, принципы, политика / И. Э. Звечаровский; Ассоц. юрид. центр. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 97 с.

УДК 343.359.2

ПОДМЕНА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ КАК СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Гулевич Марина Константиновна

*старший следователь отдела по расследованию преступлений
в сфере экономики следственного управления управления
Следственного комитета по Гомельской области, ул. Советская, 34,
246050, г. Гомель, Республика Беларусь, mklimova92@mail.ru*